

УЛИСС НА ПОДМОСТКАХ

«...да я хочу Да» в театре «Шведзка 2/4»/из Варшавы

Виктор Денисов

Игры в классику

«ЕЩЕ НЕСКОЛЬКО лет назад, — сказал мне советник посольства Республики Польша Эугениуш Мельдарек, — казалась, что авангард умер. Но вот 26 января 1991 года был поставлен этот спектакль, и теперь уже мне лично ясно, что авангард будет жить всегда».

Выбор постановщика спектакля Хенрыка Барановского / смел и оригинален — а впрочем, могло ли быть по-иному у режиссера экспериментального театра? Причудливый мир «Портрета художника в юности» и «Улисса» он превращает в цепочку не менее причудливых сценических образов. Нарочито подчеркнутое бытоподобие соседствует в режиссуре Барановского с символичкой, причем нередко одно переходит в другое, буквально ошеломляя и завораживая зрителя: дешифровке поддается далеко не все, остается привкус тайны, без которой немалосило настоящее искусство.

Вот, например, запах подгоревшей печенки в первой и второй картинах. Если не помнить романа и не знать о буквально населяющих дом Леопольда Блюма звуках и запахах, то вряд ли поймешь, к чему он (спектакль, между прочим, идет без перевода). Но именно этот запах уносит мысли Молли Блюм от супруга, ничтожного агента, к ее антрепренеру и любовнику Бойлону.

Название пьесы — последние слова «Улисса», заключительная реплика монолога Молли, в котором провозглашается победа вечной женственности над материальным миром. Джойс /назвал

свой роман «Мозаикой» — конструируя его, он скрупулезно подбирал детали, стремясь при этом к натуралистической точности. Барановски идет по этому же пути.

В первой картине на авансцене, в центре, — огромная, наклоненная под углом 45 градусов кровать, на которой возлежит актриса краковского театра «Стары» Моника Немчык (Молли Блюм). Ярко выраженная сексуальная привлекательность актрисы сразу же привлекает внимание зрителя. Актер варшавского театра «Студио» Анджей Блюменфельд (Леопольд Блюм), лопоухий и некрасивый, но отнюдь не лишенный мужской силы и энергии (он — Одиссей!), своими целевыми жестами лишь подчеркивает разницу между убогим миром супруги, ее плотскими желаниями и сладкими воспоминаниями.

Второй фрагмент — история учителя одной из дублинских школ Стивена Дедала. Огромное сценическое пространство, самой примечательной деталью которого является множество бочек. Льется вода, двигаются босонogie персонажи — их диалоги идут под шум моря. Этот шум и звук проливаемого молока, которое приносит старуха молочница, вызывают у персонажа воспоминание об умершей матери. Она предрекает Стивену муки ада. В итоге Стивен, так же как и Молли, бежит из реального мира в выдуманый — мир литературы. Изгнание, молчание, мастерство — такова провозглашаемая им и его alter ego Джойсом триединая программа.

В третьем фрагменте зрители сидят как бы на возвышении вкруг некоего бассейна с водой — но замыслу режиссера он должен символизировать Жизнь и женское начало. Я смотрел спектакль в дождливый вечер, когда буква-

льно разверзлись лужи бесбесные. Если еще добавить, что в фойе театра «Эрмитаж», где шло представление, протекает потолок, — водная фэрия да и только!

В бассейне режиссер построил бар «Ормонд». Там царит также многоголосый мир звуков: трескит кассовый аппарат, звенит стаканы, настраивается пианино,

гая обстановка, тот же скучный и безумно надевший ей муж. Она снова в мечтах и воспоминаниях. Последних слов Молли «да я хочу Да» почти не слышно из-за шума падающей воды.

Передавая отрывочность реплик и алогичность мыслей своих персонажей, делая моментальные снимки, отражающие каждое

Леопольд Блюм где-то рядом.

Фото В. Скокова.

звучит саксофон и, конечно же, снова шумит вода. Далее бассейн наполняется ариями из опер — возможно, это плянье фантазии посетителей бара. А в это время на сцене справа вечно жаждущая плотских утех Молли поет (вспомним, она — певичка из кабаре) и предается эротическим играм — любовникам вторит тромбон.

Ну а в четвертом фрагменте сцена и зрительный зал поворачиваются на 180 градусов — странствия Одиссея завершаются. Молли снова в стоящей под углом на бочках кровати, а остальные персонажи как бы замерли и ведут какой-то несущественный разговор. Героиня не меняется, не изменится и ее жизнь — та же убо-

мгновение в ходе размышлений, Джойс нередко обрывал не только фразы, но и слова. Мне кажется, что Барановски с помощью фрагментарности эпизодов — обрывая их и почти не соединяя — шел тем же путем и достиг удивительного сходства своего спектакля с «евангелием литературного модернизма». И это несмотря на отсутствие в представлении длинных монологов, которые, несомненно, привели бы к затянутости действия.

И очень жаль, что лишь очень немногочисленные зрители, не испугавшиеся, вероятно, спектакля, идущего без перевода, не менее, чем непогоды, смогли его посмотреть.